

Санара. Новая руна

Автор:

Вероника Мелан

Санара. Новая руна

Вероника Мелан

Город

Когда два противника начинают уважать личные качества друг друга, когда соперничество перерастает в сотрудничество, а симпатия и дружба вырастают в полную страсти любовь, наступает эра великих дел. И ни один Чародей, творящий за дворцовыми стенами темные дела, не сможет устоять, если против него объединилась уникальная пара – Верховный Судья Аддара и девушка-Элео. Становится возможным все: зажечь над островом Новую Руну, повернуть время вспять и доказать Вселенной, что любовь сильнее препятствий.

Вероника Мелан

Санара 2. Новая руна

От автора: В скобках я, как всегда, указываю музыку, под которую создавались части.

© Вероника Мелан, 2020

Глава 1

Мир Аддар.

Нова.

(Katherine Jenkins – Segreti [One Republic's «Secrets»])

Каждому в жизни требуется приключение.

Свое собственное.

Не чужое, не книжное, не прожитое в фильме, но именно свое, настоящее. И с большой буквы, которое можно назвать «Мое Большое Приключение» и по которому после захочется написать книгу.

Ребенку всё приключение: найденная во дворе кривая палка, рисунок из солнечных узоров, цветной осколок бутылки, полустершаяся страница карты из старого сундука...

Со взрослыми сложнее. Взрослые забывают, что двигатель жизни – это интерес. К чему угодно: к божьим коровкам, ручному плетению ковров, сотворению изысканных десертов, чтению книг на забытом языке, пению, наблюдению за звездами. Интерес – это ярчайший светящийся шарик, наполняющий каждый вдох и жизнь смыслом. Без него будни скучны и унылы, без него каждый шаг напрасен. Можно не иметь ни богатств, ни власти, ни наград, ни признания, но если у вас есть интерес, по утрам с кровати вы не встаете, а вскакиваете, и кажется, что не крылья приделаны к спине, а два мощных сопла от ракеты. Именно с такой скоростью и счастьем навстречу каждому мигу вас несет.

У меня интерес был сотворить новую руну, и потому теперь была тетрадь, на страницах которой я тщательно зарисовала вид простых рун, готовясь позже перейти к составным. Там же таблица частот: для обычного человека хаотичный набор символов, для меня – четкое отражение эмоций в буквенном коде. За последние две недели я разобрала на струны чувство страсти, все его градации от похоти до чистой любви, а также восторг и азарт. Готовилась перейти к руне «Дра», отражающей длину жизни.

Самые мирные и спокойные две недели. Самые, наверное, счастливые.

Грабили мы постоянно и по-тихому, часто ходили на дело втроем – с Трентом и Эдимом. Чтобы не поднимать переполох и не доводить до заявлений о пропаже ценных вещей, теперь я не изымала, а подменяла предметы. Заранее по изображениям, найденным для меня Юнией, сотворяла пустые, лишённые магии двойники брошек, заколок, пуговиц и кулонов, оставляла их владельцам, передавая оригиналы Шраму. Тот расширял коллекцию вещдоков, которые мы однажды собирались показать Судье, надеясь на возбуждение против «серых» манипуляторов дел. Когда-нибудь, когда придет время.

Как и прежде, плескал у подножия цветных скал океан, напоминал бесконечным шумом о бренности; как всегда, с тех пор как я стала наполовину Элементалом, беспричинно ширилась от бесконечной радости душа. А какой нужен повод? Просто жизнь, шуршание страниц, всполохи очертаний рун над столом – порошки из новой лаборатории я все-таки выкрала.

Я часто думала о том, что, если бы ни кулаки Судьи, ни мой очередной выход в астрал, не уловить бы мне тогда с такой легкостью смысл текста из древней книги, не сидеть теперь здесь за интересным занятием. Никогда не знаешь, где повезет...

Да и себя прежнюю я теперь понимала куда лучше, чем раньше. Разве мне, Леа, действительно был нужен забытый алфавит? Нужна была для счастья его разгадка или, может, хотелось сотворить великое, порадовать людскую расу необычными открытиями? Нет, мне, равно как и теперь, нужен был Интерес. Свое собственное Большое Приключение.

С ним классно. А без него... А без него уже не хотелось.

Санары на Софосе не было. Его, судя по телевизионным новостям, отправили на далекий Манолас – разбираться с громким делом по обрушению очередной незаконной шахты. Кого-то требовалось покарать на месте, кому-то выдать наказания полегче – сослать в тюрьмы на исправление. Та еще работенка... Думая об этом, я ухмылялась. Ему действительно нравилось заглядывать в темные пучины чужих душ? Или, может, нравилось ощущение состоявшейся

справедливости? Нужно будет спросить при случае.

Когда представится этот самый случай, я не знала. Не торопила его приближение, не старалась отдалить – все случается вовремя.

«Четыре дня на быстроходной деке в одну сторону, после многочисленные разбирательства, четыре дня обратного хода. Я могла бы долететь гораздо быстрее, быть может, даже мгновенно, если постараться...» Но на корабле есть свое очарование. Стоишь, чувствуя, как покачивается под ногами палуба, любишь морем – всегда разным, всегда с настроением, – ощущаешь, как течет сквозь кончики пальцев жизнь. Во всем своя прелесть.

«Кстати, – думала я, записывая в тетрадь частоту свечения самого светлого оттенка «Дра», – почему я никогда не путешествовала на деках? Ни разу! Надо бы это исправить».

Без Аида на Софосе было легко и спокойно, как без кого-то тяжелого. И в то же время чуть грустно, как без кого-то родного. Такая вот смесь. Он уехал, и я скучала не скучая. Помнилось до сих пор то его объятие в пыточной – глубокое и честное, самое настоящее из испытанных мной объятий. Мы как будто проросли друг в друга в тот момент, будто активировался между нами невидимый узор, и более дистанция не важна. Никто друг о друге не забывал, даже если не думал.

Он как будто завязал мне тогда на шее теплый шарф. Чтобы не холодно, чтобы не простыла – вот как это до сих пор ощущалось. Заботой, равнодушием, терпением.

«Приходи, я буду ждать».

Это прекрасно – знать, что ждать тебя будут долго. Вечность.

Пусть у меня нет этой самой вечности, зато есть сегодня.

И еще телевизор, который я теперь включала по вечерам, надеясь, что в новости попадет хотя бы коротенький репортаж с Маноласа, что покажут вдруг знакомое лицо. На пять секунд, ладно, пусть на четыре. Да хотя бы на одну.

Забавно уметь летать, иметь способность долететь и взглянуть на кого-то самой, но тяготиться радостью предстоящей встречи – это особенное наслаждение.

К тому же совсем не изучены еще «Сикха» – пламя души – и «Эиг» – временная спираль. А они в новой составной руне будут играть первостепенную роль.

А вот кусочек пирога бы не помешал... Жаль, не попросила с утра у Майи. Зайду завтра, закажу на обед его или ореховый рулет (выбор между одним вкусным десертом и другим подчас самый сложный) – жена Иннара, как всегда, расплывется в довольной улыбке. Любой повар рад, когда его творение уплетается за обе щеки.

А пока чай. И пульт от телевизора.

Потому что семь вечера. И нет, я не жду.

Но вдруг случайно включают в вечерний выпуск репортаж с Маноласа...

* * *

Манолас.

Аид.

(The Polish Ambassador – Eastern Eyes Western Skies)

– Вы знали, что подписались работать в месте, где не соблюдались правила техники безопасности?

– Знал.

– И вам было все равно?

– Мне хорошо платили.

Санара повторял эти вопросы уже не первый десяток раз за день и чувствовал себя утомленным седым профессором, принимающим экзамен у отсталых студентов. Манолов в каком-то роде и впрямь можно было назвать если не «отсталыми», то однозначно странными – недалекими, сызмальства помешанными на привитых бобенами (*местный аналог шаманов – прим. автора) ритуалах, заменяющих им и еду, и сон, и молитвы. У стоящего посреди шатра большого, потного и грязного мужчины были не глупые, но совершенно пустые глаза – два темных колодца без дна. При росте под метр девяносто, черных курчавых волосах и совершенно круглой форме век, они казались зловещими. И еще эта выдвинутая, как ковш экскаватора, нижняя губа. Местная особенность расы – Аид понимал, – но она совершенно не к месту его раздражала. У всех эта чертова губа, как под копирку, даже у женщин.

Он просто устал. Нужно отдохнуть. Потому что к моменту, когда начало темнеть, его раздражало уже все – и этот тряпичный «цирковой» шатер из шелков, и никак не спадающая жара, и одни и те же ответы, которые он знал наперед.

– Вы знали, что шахта небезопасна и может обрушиться в любой момент?

– Знал.

– Вам не жаль погибших друзей?

– Нет. Все мы там будем раньше или позже. Ашайль.

Этот долбаный «ашайль» означал что-то вроде «на все есть воля всевышнего», и Санару злило не слово, но то равнодушие, с которым допрашиваемые говорили о почивших товарищах. Тот, кто нанял манолов, промыл им мозги – хорошенько и чисто. Использовал один из неуловимых старинных артефактов Элео, приказал забыть и имя заказчика, и об усталости, настроил рабочих лишь на эффективное исполнение обязанностей – колотить киркой по стенам с утра до ночи. И они колотили, пока не доколотились до обвала. Крепёжных конструкций-то не установили...

– Вы знали, что именно вы добывали?

– Альмиты.

Альмиты, если бы... Эти черные самородки практически не имели ценности, разве что уникальный звездный блеск, ценящийся отделочниками. На самом деле сеяли и мыли здесь из остаточных пород уникальные зеленые кристаллы – очень мелкие и очень дорогие. Наемники об этом даже не подозревали, считали их «трухой».

– Сколько корон вы получали?

– Деньги нам неинтересны. Нам каждый вечер за смену выдавали «дурию».

По десять граммов, да, он слышал. Расслабляющую курительную траву, вызывающую галлюцинации и приводящую к временной эйфории. На этом богом забытом острове она, как Санара выяснил за последние дни, являлась универсальной валютой. На нее можно было купить еду, скот, даже чужую жену – позволял бы вес «посева». Чем дальше, тем более понятными, но менее приемлемыми ощущались ему местные обычаи. Все более встающими поперек нормальной логики, как рыба кость в горле. Эти странные рослые люди не жили в реальном, привычном Аиду мире, они обитали в дыму своих фантазий, не стремились что-то совершить, изучить, понять. Им нравилось висеть где-то на стыке вымысла и реальности, теряя ход времени. Здесь это звалось «гаттандой» – нирваной.

Манол пах потом, незнакомыми наговорами, чужими обычаями. Даже запах его кожи отличался от запаха тех, кто родился на Софосе.

Софос. Санара тоскливо хотел обратно. Не ожидал, что быстро заскучает на декке, что уже к концу четвертого дня возжелает как можно быстрее покончить с приговорами, что завязнет здесь, кажется, не на одну жизнь – нить тянется, загадка вьется, конца и края тайнам не видно.

«Вот бы между островами Порталы, как на Уровнях. Попросить бы Дрейка, чтобы построил». Но это сложно... Наверное, не просто сложно, а мегасложно, но Аид все равно мечтал назад попасть не четыре долбанных дня спустя (до которых еще жить да жить), но по щелчку пальца.

Он допросил уже всех пешек и пришел к выводу, что мочалить их бесполезно – нулевые. Они ничего не знают, не помнят, а лишний раз смотреть им в глаза – все равно что лезть в мутную болотную воду, смешанную с нефтью. Радости никакой. Его профессия изначально подразумевала отсутствие приятной отдачи, но здесь, на Манолосе, дознание и вовсе превратилось для него самого в пытку.

Хватит. Завтра будет «бал» во дворце ружана Аттлиба – местного мелкорослого, но очень горделивого правителя. Возможно, что-то удастся узнать там. Не факт, но все-таки.

– Свободен.

Санара отпустил гиганта с круглыми глазами. Надоел. Мог бы, конечно, испачкать руки по локоть, влезть в эту мутную душу, назначить исправительное наказание, но уже не хотел. Хотел выйти на свежий воздух, подумать.

Манол под надзором конвоиров покинул шатер. Такой же равнодушный, как и тогда, когда ступил внутрь, чуть сутулый, давно находящийся где-то «не здесь».

Что творится на этом острове?

Аида с Маноласа мутило.

Здесь даже цветы пахли слишком сладко и терпко, и нигде от этого запаха не скрыться. Ладно бы выглядели они красиво – были яркими, смотрящими в небо или приятными глазу, – но тошнотворный запах по острову разносил низкорослый бурый кустарник, покрывавший большую часть суши. Аиду казалось, что этот приторный флер призван маскировать изнанку происходящего на этой земле – подноготную таких вещей и событий, о которых он даже не хотел знать.

Сейчас бы в порт...

В шатре больше никого, охрану он отпустил. Высыпали на далеком темном бархате незнакомые звезды, и Санаре теперь казалось, что плыл он сюда не четверо суток, а четыре года. А проведет здесь еще неделю, пропитается

«бурым» запахом, начнет курить дурию, и вовсе забудет путь домой...

Не забудет, конечно. Просто здесь слишком легко соскользнуть за грань. Все какое-то зыбкое, невесомое. Будто неплотное.

Итак, ружан. Завтра «бал»... Бал, конечно же, в честь приема Судьи. Почему так долго готовились? Так ведь «великий гость», много дел нужно завершить, много эклов заколоть, много гостевых покоев привести в надобный вид...

Санара был уверен, что время тянули для того, чтобы собрать тайный совет, чтобы обсудить тактику общения с неудобным визитером. Знали, что без Канцелярской печати допрашивать главу он не имеет права, что нужна официальная бумага. А ее нет. Потому что ее получение заняло бы время, а он хотел как можно быстрее. Поторопился. Теперь понимал, что за тайными делами шахты мог стоять только правитель, а заглянуть ему в глаза не дадут советники. Коршуны, мать их, рдеющие о неукоснительном соблюдении общего закона.

Ему бы Нову...

Он подумал о ней, и будто свежий ветерок подул. Пустые мысли, конечно, грезы... Но, если бы они отправились на бал вместе, докопались бы до истины куда быстрее. Он бы отвлекал своим присутствием гостей, как магнит, тянул бы на себя внимание, а она прочитала бы то, что другим недоступно. Просто постояла бы рядом с ружаном, сняла бы с его ауры нужную информацию, сумела бы сделать это куда чище и быстрее, чем даже он – Верховный Судья – самый могучий из когда-либо живущих судей.

Аид усмехнулся. Отличная из них вышла бы команда. Но не в самом же деле ее звать? У него даже возможности кинуть весточку нет.

«А если бы была?»

Он впервые задумался об этом по-настоящему и понял, что не знает ответа.

Позвал бы ее? Попросил бы о помощи? Они уже не враги и еще не друзья. Но в то же время, если между строк, глубже чем друзья, глубже, чем... кто? И не нашел слов.

Чужие звезды не грели, скорее, путали разум. Что-то шуршало в невысокой траве; непривычно тянули свою песню заморские сверчки. То замирали на одном звуке, тянули его по минуте, то вдруг принимались стрекотать прерывисто, нагло. И не заткнешь. Духота такая, что он потел в рубашке, понимал, почему манолы почти всегда и везде голышом – короткие обвязки на манер примитивных шорт не в счет. Постоял еще минуту, надеясь, что «придышится», наконец, к сладкому запаху, что перестанет его замечать, но так и не придышался.

Отправился в ненавистный шатер, не оборудованный даже вентилятором. Черт, знал бы об этом, прихватил бы его на борт с собой.

Его намеренно поселили вне дворца – учтиво кланялись при встрече, объясняли, что возле самой шахты вести расследование ему будет удобней и сподручней. Загон для пленников рядом, а от дворца сюда «шагать по два часа»... Умело отдалили от пчелиного улья, спрятавшего в своих недрах старинный артефакт. А он ему нужен. Изъять.

Ничего, изымет. Отыщет путь.

В который раз подумалось, что с Новой вышло бы быстрее.

И веселее. И интереснее. Рядом с ней он, наверное, перестал бы чувствовать даже сладкий запах, отвлекался бы на совершенно другое – нечто внутреннее.

Вздыхнул, когда отодвинул полог и понял, что внутри, как в бане: окна есть, а ветра нет. Жара, духота, спать только нагишом. Увидел, как выдвинулась из-за шторы фигура его вечно склоненного в поклоне служащего из дворца, услышал шелестящее «надобно ли чего?», бросил «жарко» и закрыл перед чужим носом тканевую завесу.

А спустя несколько минут пожалел, что вообще «пожаловался».

Потому что к нему в спальню вплыли девицы с опахалами.

Их было четверо. Одна главная, понимающая общий язык, еще три будто немые. И все голые, по крайней мере, так ему показалось. Разве можно воспринимать за одежду тонкие, узкие, полупрозрачные шарфики вдоль выпуклых грудей и такой же лоскуток, спускающийся на лобок с цепочки на талии?

Не успел подобрать слов помягче, знал, что сейчас рыкнет, но затараторила главная, с перьями на голове:

– Господин жарко. Мы сначала танцевать, чтобы расслаблять и усыплять, потом дуть всю ночь воздух. И прохладней.

По его лицу девица поняла, что угодить не вышло, что сейчас прозвучит «нет». Заторопилась.

– Мы дуть неслышно, очень тихо! По две за раз, менять друг друга всю ночь напролет...

Вот тебе и аналог вентилятора.

Санара, хоть и был зол, заметил, что прислали ему «хороших» девок, не чистокровных манолок. Тех он вообще на дух не выносил с их жесткими на голове завитушками, отвисшими «бидонами» и угольно-черными сосками. Эти – метиски. Кожа кофейная, волосы не пружинами, но мягкими завитками, грудь большая и стоит – вельможи изо всех сил старались ему угодить. Не учли только, что Аид никогда не желал секса без любви, и что от приторных духов танцовщиц у него моментально занюют виски. С этими кружащими вокруг его ложа гостьями он не только не уснет, но и озвереет окончательно.

– Уходите.

И хоть смотрел девчонке не в глаза, по привычке чуть мимо, чтобы не пугать, заметил, как мелькнул на ее лице испуг – «не ублажили!». Сейчас их накажут, понизят в должности, или, как это у них тут называется, отдадут для забавы надсмотрщикам в дворцовом подвале.

Санара поморщился. Он терпеть не мог решать чужие проблемы, но эта волна паники, обдавшая его нутро, заставила разжать губы еще раз.

– Скажешь, что господину все понравилось. Он оценил. Но сегодня хочет остаться один и подумать, поняла?

Быстро-быстро закачалась вверх-вниз голова. Короткий жест, и трое остальных тут же засеменяли на выход. Несколько секунд, и он снова один.

Аид тяжело вздохнул. Снял рубашку, из-за отсутствия нормального стула повесил ее на большую, похожую на пуф подушку, туда же бросил штаны. Когда растянулся на кровати, раздраженно подумал о том, что запах чужих духов не выветрится отсюда, наверное, до утра, приготовился его терпеть, не замечать.

Подумал о своем вечном напряжении, после о Нове...

Дрейк был прав – ему нужно чем-то уравнивать дисбаланс. Неприятное – приятным, напряжение – расслаблением. Сейчас бы не незнакомых девиц, но просто присутствие кого-то правильного...

Вновь подумал о Нове.

Не о сексе даже.

Ему хватило бы поцелуя, чтобы раскрутились до визга металла затянутые внутри шестерни. Одно поцелуя. Может, ее головы на своем плече. Вдохнуть бы вместо бурой полыни аромат свежего ветра и дерзости.

Санара перекатился на бок, приготовившись к бесконечно длинной ночи под чужими звездами, и закрыл глаза.

Глава 2

Мир Аддар.

Нова.

(Daniella Mason – Talking in your sleep)

Сны – такая же часть жизни, как и бодрствование, но управлять снами может лишь тот, кто умеет управлять дневным бытием.

Мне давно не снились кошмары, этот тоже кошмаром назвать было нельзя, но в нем Судья вновь подкинул в воздух Куб-шанс. Очень реалистично и для меня наяву. Вокруг холодные стены замка Доур, темная зала, сводчатые окна в небо, клубящаяся вокруг наших фигур тьма. И уже вращается в воздухе магический предмет – откуда-то я знала, что сейчас он зависнет в моменте, явит зрителям определенную грань, и рисунок ее вспыхнет синим... А дальше я – снова человек – попаду в свою прежнюю жизнь, потеряю способности Элео. Глаза Судьи белые, как прожекторы, лицо жесткое, губы в полосу – он принял судьбоносное решение.

Нет! Мое сознание взбунтовалось первым, выбралось из ловушки страха и нерешительности, превратилось в бешеный по силе луч. Леа внутри уже запаниковала, вжалась «в спинку кресла» – так можно было бы сказать, если бы она сидела в кинозале на просмотре хоррора, – но мы с ней разделились. Леа назад хочет, хочет и боится, я – Нова – знаю, что еще не время.

– Не-е-е-ет!

Моя воля сильнее чужого решения, я не поддамся ни Судье, ни Кубу! Ширюсь, захватываю пространство, превращаю Куб в игрушку – плевать на него, он ненастоящий, забываю о нем, когда понимаю, мне нужно наружу, сейчас же.

Проснулась я одновременно с внутренним взрывом, похожим на коллапс сверхмощной звезды – сердце частит где-то в горле, голова дурная. Успела за секунду поддаться панике Леа, пока не рассмотрела – нет, я не в прежней квартире, я все еще здесь, в особняке на Сиреневых скалах. Дома... Все еще Нова... Куба нет...

И сделала самый длинный выдох облегчения в своей жизни.

Приснится же такое...

У снов нет иной роли, нежели напоминать нам о том, что именно мы чувствуем в режиме бодрствования. Сны легко толкуются, но, увы, не сонником или гадалкой, а проведением параллелей в ощущениях. Тот, кто часто видит лестничные пролеты без пары ступеней, входит в лифт без стен, падает, бежит, паникует – погряз в беспомощности. Именно на нее и призывают обратить внимание ночные «показы», однако многие ли об этом задумываются?

Мой сон напомнил мне о том, что Аид силен и все еще способен повлиять на мою судьбу. Пролетел в воображении знак с красной каймой: «Осторожно! Опасная зона!»

Спасибо, вспомнила, услышала.

Поднялась с кровати, поняла, что из-за ночных бдений с изучением рунных частот, я проспала почти до обеда, потеряла лицо. Хорошо, когда нет ни начальников, ни расписаний, ни будильников. Последние, к слову говоря, всегда казались мне «адовыми» изобретениями. Как можно поднимать человека до его естественной потребности проснуться? Зверство!

То, что я все еще на Аддаре в этой временной ветке – хорошо. Засело, однако, где-то на фоне после странного сна беспокойство. Оно уйдет после горячих струй душа, глубокого вдоха в кайф налитого в кружку горячего кофе и первого укуса булочки с маслом.

«Наверное, я слишком много думаю о нем. А он не пес, с которым можно играть палкой...»

Булочку из холодильника я выложила на блюдце, сбрызнула водой, поставила в микроволновку на минуту. Пока готовился кофе, автоматом щелкнула пультом от телевизора – о чем вещает медиа? Что-то интересное в мире? Над кем-то еще можно пошутить, куда-то слетать, узнать удивительное? Первый канал казал новости – скукота, – но я оставила. Привычка. Достала масло, нож из стола, поставила на скатерть еще одну тарелку.

– ...сегодня день плюшек с корицей. О том, как именно его собираются отмечать жители столицы – о секретных рецептах, планах и общественных мероприятиях, – мы узнаем чуть позже, после гороскопа. Но до него вести с Маноласа, где ведет расследование об обрушении шахты Верховный Судья...

Я окаменела, как идол на острове Керичи.

– Скажите, много ли известно на данный момент? Как продвигается расследование?

И глазам своим не поверила – Аид на экране. Строгий, одетый в темную хламиду – капюшон снят. Красивый, дерзкий, неприступный, как утес над бухтой Рикка. И как же, черт возьми, я по нему соскучилась. Ждала, чтобы хоть краем глаза... Дождалась и во сне, и в новостях.

«Проси, и будет тебе...»

Дама в голубом костюме держала микрофон с надписью «М-Вести» перед лицом Судьи осторожно, чуть на расстоянии; Санара привычно смотрел мимо ее глаз, а по моей спине ползли мурашки. Наверное, ей непросто давался этот репортаж, потому что рядом с Аидом страшно любому, даже если ты ни в чем не виновен.

– К сожалению, расследование движется не так быстро, как хотелось бы. Требуются дополнительные дознания.

Если бы он сместил взгляд чуть левее, дикторша ощутила бы озноб. Как я когда-то давно, в торговом центре, когда впервые посмотрела Санаре в глаза. Холодно, муторно, в ушах вата, а в голове затягивающий в себя коридор, из которого не выйти. Работнице манольских новостей нужно было дать медаль.

– Удалось ли отыскать причины обрушения?

– Частично. Детали выясняются.

– Как вы думаете, сколько времени займет расследование?

Я забыла про кофе и микроволновку, чей сигнал звякнул еще вечность назад, я залипала в экран. Мужчина в хламиде тянул на себя внимание, как тянет к себе электроны заряженное поле. Непримируемый, бескомпромиссный, осознающий свою власть, спокойный, чуть усталый. Манолас его чем-то выматывал, я ощущала это даже через экран.

– Результаты могут появиться быстро, если ко мне в помощь прибудет Новый помощник, которого я ожидаю.

И Судья посмотрел в камеру. Не на людей, которых в эту секунду пробило током, посмотрел через объектив прямо на меня. Я была в этом совершенно уверена – интуиция взвыла, как сирена. Санара совершенно точно знал, кому именно адресовал свой прямой взгляд. Знал, что нельзя в камеру, но нарушил собственный запрет, передал невидимое послание.

«Новый... помощник... Новый... помощник...»

Ему... требовалась моя помощь? На самом деле?

Но он уже отвернулся. Быстро свернул диалог, не ответил на вопрос, прибудет ли новый сотрудник на декке, отбыл ли уже из порта Софоса или же это кто-то из местных? Прищурил глаза – мол, без комментариев, – поджал губы и был таков.

Бледная дикторша, которую фон Аида все-таки задел, подвела итог в трясущийся микрофон:

– Как видите, нам удалось поговорить с самим Верховным Судьей, но точных данных о ходе расследования пока нет. Мы будем держать вас в курсе. Софос?

И режиссер переключил картинку на местную студию. Сразу за этим я щелкнула пультом, выключая телевизор.

Значит, новый помощник.

Интересно.

Конечно, в теории я могла ошибиться, но полагала, что призыв был адресован все-таки мне. И тогда другой вопрос – как попасть на Манолас быстро?

Кажется, этот день обещал стать совсем нескучным.

Я водрузила на стол кофе, положила на тарелку чуть теплую булку и взяла в руки нож для масла. Сначала завтрак, после мыслительный процесс.

Грелась на уровне заливка взволнованность от возможности скорой встречи. И одно дело – смотреть на Судью через экран, другое – находиться с ним рядом. Толпами ходили по воображению мурашки.

«Задал ты задачу, Аид...»

Но чем сложнее, тем интереснее. Уже ширился и ликовал азарт – приключение, приключение, приключение! Новые вершины и их покорения, планы, впечатления, очередной полет к звездам. Именно поэтому обратно в Леа я не торопилась.

* * *

Манолас.

Аид.

(Stive Morgan – Hover Above The Ground)

Шанс призрачный. На то, что она увидит, поймет, прибудет. Собственно, Санара на успех и не надеялся, но все равно впервые согласился на интервью, чтобы использовать единственную возможность передать послание. Передал. Дальше... ждать? Нет, просто работать.

Он уже с утра прокрутил в голове все варианты дальнейшего развития событий, если сегодняшний день, как и другие, он проведет один – бессмысленные

дознания по кругу, один и тот же набор вопросов и ответов, вечером «бал». На нем он преступит все-таки закон, незаметно допросит ружана, после, если тот невиновен, выстроит обратный Мост Времени. Далее по кругу. Если не повезет сразу, потратит на Мосты много времени, сумеет за вечер «опросить» человек семь-восемь. Муторно, нудно, энергозатратно и очень долго. Других вариантов, увы, нет.

Шагая по раскаленной уже к обеду земле прочь от съемочного фургона, Аид кривился от вида шатра. Как же надоела эта затхлая вода из фляг, запах пота местных охранителей, невозможность нормально помыться в полевых условиях и нужда по кругу загонять под этот цирковой купол рудокопов. Сейчас он убил бы за возможность отключить центры обоняния в собственном мозгу – чем дальше, тем сильнее раздражался от необходимости дышать местной дурман-травой.

Внутри вошел быстрым шагом, почувствовал, что вспотел под хламидой.

– Ваше Святейшество, кого из заключенных позвать? – постовой вытянулся в струну.

– Никого, – рыкнул Аид, ощущая себя не «святейшеством», а «демоничеством». – Перерыв.

Перед тем как вновь нырнуть в бессмысленные дознания, он хотел посидеть в тени, передохнуть.

* * *

Софос.

Нова.

Даже если с максимальной скоростью ветра в четыреста километров в час, все равно долго. Обернуться световой волной? Наверное, это удивительно – чувствовать себя светом, быть им. Но откуда-то я знала совершенно точно – жечь свой ресурс в случае обращения в фотоны я буду быстро. Не пойдет.

Поставленную задачу мне хотелось решить не просто приятно и красиво, но еще и легко. Имею право выбирать. Какие варианты? Телепортация физического тела при наличии в голове ограничивающих убеждений? Возможна, но со сбоями. Хотелось еще легче, еще проще...

И тогда возник в голове ответ – сон. Для того, кто не видит особенной разницы между сном и явью, границы расстояний стираются легко, и, значит, возможно заснуть в одном месте, а проснуться в другом.

В это мне верилось. И это, что самое важное, хотелось попробовать.

Забираясь в кровать после обеда вполне довольной и сытой, я набирала мысленные установки о том, каким должно быть мое пробуждение – спокойным, комфортным, в одиночестве, неподалеку от Санары. Чтобы не холодная земля, но густая трава, чтобы та же одежда, хотя ее я смогу за минуту изменить на любую.

В дремоту я скатилась примерно за три минуты.

Соскользнула, обрела себя на границе, поняла, что тяжелое тело больше не помеха. Задала направление: Манолас; растворилась полностью. Ухнула в Элео-часть, стала миром, сразу всем, что в нем есть: виртуальной картой, морями, названиями, островами.

Выбрала курс. Достигла цели, не перемещаясь, для меня переместилось окружение. Так работает квантовая система частот – вне времени, вне пределов.

Сознанием пробудила от сонного паралича тело, открыла глаза.

Солнце жарче раза в три.

О том, что очнулась я не на Софосе, можно было понять еще и по запаху – слишком сладкому, приторному, незнакомому. Здесь иначе ощущалась земля, и колыхалось над низким кустарником тяжелое прозрачное марево. Манолас, как отщепенец от остальных островов, как младший брат, не желающий походить на других, цепко хранил свою собственную уникальную атмосферу. Кичился

залежами зеленых кристаллов в черных недрах пластов, морил глаза плавностью низких холмов, давно и прочно оброс протяжными песнопениями туземцев. Топил древесные макушки и людские поселения в долгих апельсиновых закатах и издревле вел собственное, неподвластное ходу светил, летоисчисление. Здесь иллюзии водили хороводы вместе с дымом из курительных трубок, здесь ноги тонули в зыбкой почве морока.

Очень смешанное ощущение.

Я поднялась с травы, на которой лежала. Слишком жарко и не слишком приятно. Все чуждо.

Справа шатер. Тот самый, который захватил объектив камеры, транслирующей утренние новости.

Мне туда.

Внутри я входила, испытывая смесь чувств, не поддающуюся описанию. Если я все поняла неверно, и он не ждал, я уйду. Так же усну на траве, проснусь уже дома. Подумаешь, короткое путешествие, когда еще я посетила бы Манолас? Верно, никогда.

В мою сторону, когда была замечена тень, дернулись постовые – я оттолкнула их от себя мягкой невидимой волной.

«Успокойтесь, родимые».

Они сделались безвольными и незаинтересованными, как куклы. Встали по местам, по разным сторонам от входа.

А вот Аид, сидящий на стуле, смотрел на меня очень внимательно. Очень. И теснили друг друга в его глазах тени удивления, облегчения, строгости, привычной тяжести.

«Я тоже по тебе скучала».

Действительно скучала. Практически сразу ощутила, как активировались от нашей близости невидимые микросхемы – слишком глубокие и сложные, чтобы их понять. Отошла на второй план причина моего здесь появления; перепуталась друг в друге наша заинтересованность.

Санара молчал. Пришлось самой.

– Новости посмотрела, – начала я легко, – если увидела не то, и ты не ждал, я уйду.

У Аида разглаживалась давно прижившаяся меж бровей морщина.

Ему было интересно – как? Как я попала сюда так быстро? И одновременно неинтересно. Я здесь, и этого достаточно.

– Туда? Обратно? – я покрутила пальцем, спрашивая. – Мне остаться или уйти?

Его ответ прошелся по моей душе нежными подушечками пальцев.

– Я тебя ждал. Оставьте нас.

Последнее он бросил постовым, которые потоптались у порога и через секунду удалились.

– Утомительная дорога? Воды? – Он не улыбался, но мне было тепло. – Садись.

И указал на единственный, стоящий у шатровой стены свободный стул.

* * *

Аид.

(Idenline – Coldest Night)

Она ощущалась ему единым солнечным пятном – не тем, которое снаружи слепит глаза и печет голову, но теплым бликом, играющим с кожей, веками и сердцем. Ветерком, шевелящим волоски на висках, когда ты сидишь на прогретых досках крыльца под яблоней, греешься телом и душой. Одно ее присутствие рядом расслабляло Аида, как настойка с секретным рецептом, капало на его затянутые шестерни машинным маслом, раскручивало невидимым гаечным ключом внутренние перетруженные болты. Он вдруг поймал себя на мысли, что может просто сидеть рядом с Новой часами, думать ни о чем, молчать, дышать, существовать – на этот раз не тяжело, хорошо.

Но ведь позвал сам, нужно объяснить.

– Помоги мне. И я твой должник.

Начал коротко, без предварительных пояснений.

Цвет глаз Новы серый, но Санара видел не радужку, а колышущуюся в поле пшеницу, а сверху облака. В месте, где беззаботно, просто и понятно. Где не творились бесчинства, где никто друг другу не вредил, не желал зла, с рождения не обманывал.

«Если бы он мог, он бы...»

Аид притормозил мысленный поток – он бы что?

«Он бы продлил ей жизнь до бесконечности. Чтобы ресурс не заканчивался. Чтобы вот так сидеть иногда...»

– Ты часто бывал чьим-нибудь должником?

Она улыбалась и спрашивала не обидно, он помнил, что в ней нет агрессии – ни явной, ни скрытой.

– Никогда.

– Какая именно помощь нужна?

Ему нравились прямые диалоги, когда от сути и к сути. Жаль, давило виски болью от запаха, который он успел возненавидеть. Мешало думать, путало мысли. Вместо объяснений он почему-то спросил:

- Как ты здесь оказалась? Так быстро.

- Через сон.

«Уснула в одном месте. Проснулась в другом».

Он понял ответ. Удивился, и нет. Понял, что сам так не смог бы, для путешествий через сновидения должен быть активирован определенный участок мозга. У него он спал. Да и нужды никогда, собственно, в его активации не было. Приготовился напрячь разум, собрать воедино разрозненную информацию, когда услышал:

- Ты его терпеть не можешь.

- Кого?

- Этот запах. Сладкий.

Верно. Он его ненавидел, и ни подтверждать, ни отрицать этот факт не имело смысла.

- Хочешь, я помогу тебе?

Они были совершенно разными: он – бетонной стеной, она – пряным сквозняком, пахнущим скошенной травой. И все же взаимодействовали; Санара до сих пор удивлялся и этому факту, и их совершенному, абсолютному контрасту. И еще Нова – потенциально идеальная преступница, которую он просит о помощи. Куда катится мир? Или все не так очевидно, как ему когда-то казалось?

- Каким образом?

- Просто доверься мне.

«Тебе давно нужно научиться это делать».

Аид молчал. Вмешательство Элементала в его сложную структуру? А какого черта он так цепко за нее держится, ведь сам не так давно понял, что роль Судьи ему опостылела. Разве он расстроится, если что-то нарушится? Не особенно.

- Помоги.

И чтобы не напрягаться и не мешать процессу, прикрыл глаза. Спустя секунду ощутил касание к своим разгоряченным вискам ментолового потока – освежающего и яркого, как покрытый кристалликами фруктовый лед на ножке. Понял, что следующий вдох дался неожиданно легко – спал внутренний аллергический отек, которого Санара раньше не замечал, – и сразу пропал запах ненавистной травы. Ни сладости, ни следа от приторности. Чистый воздух. Горячий, да, душный, неприятный, но чистый.

Выдохнул свободно, наткнулся на теплый и озорной взгляд, вспомнил тесную камеру в Бедикене, аккуратно перед «полетом в пропасть» – знатный тогда вышел аттракцион.

«Может, сбежим? Хочется дынного мороженого... Ты какое любишь?»

Дынное он так и не попробовал, но мысль о том, чтобы сбежать, нравилась ему сейчас сильнее, чем раньше.

- Помогло, спасибо.

Уходила из головы вата, стремительно, как из порезанной пластиковой бутылки, вытекала из висков боль.

«Не за что».

- Так над чем работаем?

Теперь, когда ему не мешало скопившееся раздражение, когда мышление вновь обрело ясность, Аид вдруг понял, что рассматривает Нову пристальнее и

прилипчивее, чем следует. Что мысли его отнюдь не спешат возвращаться к теме бала у ружана, что чем дальше, тем больше его занимает другое: «А сколько его внутренних болтов раскрутила бы их физическая близость?» Кое-как, как сошедшую с курса баржу, он вернул себя к делу, осторожно качнул головой вправо и влево, разминая затекшую шею.

– Это касается шахты. И бала, который сегодня состоится во дворце местного правителя.

Дальше он рассказывал ей все, как рассказывал бы следователю: здесь я имею право официально вмешиваться, здесь не имею. Собираюсь применить метод Моста – незаконно, да, но и опросить с помощью него более десятка людей за вечер не выйдет. А попытка всего одна. Есть ли мысли о том, как получить нужную информацию быстрее и легче?

Его гостя схватывала на лету. И Санару бритвенная острота ее ума в который уже раз заставляла испытывать помесь досады с восхищением. Хорошо, что они больше не враги.

– Что именно мы ищем? Старинный артефакт, вещь Элео?

– Скорее всего. Или что-то похожее.

– Поняла.

Она выглядела девчонкой, чей возраст не отгадать, юная и зрелая одновременно. Сколько ей на вид – двадцать два, двадцать семь? Он не мог понять. А в глазах похожая на Дрейкову «вечность», только не серьезная и тяжелая, «ртутная», как он ее называл, а новорожденный вселенский ветер, дерзкий и неугомонный.

– Какие у нас варианты? Могу превратиться в твоего помощника – молодого парня. Пока ты будешь занят распитием напитков с гостями, поотираюсь рядом с высокопоставленными чиновниками.

– Не пойдет. Состав команды, прибывший на декке, известен документально. Новое лицо вызовет подозрения.

– Без проблем. Тогда одной из местных красоток, может, танцовщиц? Грудь побольше, ума поменьше – таких мужчины подпускают к себе охотно.

Аид надеялся, что не скрипнул зубами. У них однажды уже случился на почве «грудь побольше» конфликт моральных принципов, а иными словами, у него – у Аида – уже случился в прошлом приступ ревности. Хотя они вроде не любовники.

Но дал вдруг о себе знать собственнический инстинкт, булькнула внутри нефть.

Нова легко пожала плечами.

– Поняла. Пойдем другим методом...

И где-то внутри отлегло.

– Я обернусь в Элео, стану никем и ничем, считаю нужную информацию из ментальных полей напрямую. Так будет проще.

Проще. Но энергозатратней. Стать ничем означало стать сразу всем – каждым атомом той бальной залы, каждой человеческой аурой, стенами, паркетом, пылинкой на бахроме штор, пузырьком в бокале шампанского.

– Твой ресурс...

Он сам не знал, как именно хотел закончить фразу. Сказать, что он в случае полного «оборота» быстро истощается? Что не стоит жертвовать столь многим ради какого-то дела, чьей-то чертовой шахты? Есть и другие пути.

– Моего ресурса хватит на все, что мне требуется.

«До того, как я уйду».

Она четко понимала все, что он не проговаривал вслух, и Аид завидовал ее простоте. Непривязанности к «имению» чего-либо, к обладанию, сохранению, приумножению. К тому, чтобы нажиться, извлечь выгоду. Нова не желала утяжеляться ни негативными мыслями, ни богатствами, и Санара вдруг понял, что такого врага невозможно победить. Заточить или уничтожить? Да. Сломать,

повлиять, подчинить, переделать на свой лад? Нет.

– К тому же, – а его собеседнице «до фонаря» его тяжелые думы, – таким способом я смогу вычислить не одного человека, а сразу всю цепочку, если таковая имеется. И сдам тебе имена на руки. Так гораздо быстрее.

– Значит, свой ресурс ты не жалеешь?

– Нет. – Ее улыбка искренняя, как подземный родник. – Тем более за такого «должника»? Ни за что не откажусь.

Она опять его дразнила.

«Чем тебе ценен такой должник?»

«Тем, что я могу после его о чем-то попросить. Приблизиться. Изучить. Получить шанс на более тесное общение».

Более тесного общения он уже давно желал сам. Не был только уверен, что оно для нее безопасно, с его-то темной стороной.

Они опять сидели вдвоем, как в том кафе, и он балдел оттого, что ему просто смотрели в глаза. Говорили с ним и не боялись, шутили, дразнили. С ней он чувствовал себя больше человеком, чем с кем-либо еще. И вдруг странная несвоевременная мысль – взять бы ее на Уровни. Дрейк однозначно был бы заинтересован во встрече, без вопросов.

– Сколько до бала?

– Около двух часов.

– Хочешь, чтобы я пока «почитала» заключенных?

– Я это уже сделал. Там чисто. Пусто.

– Тогда...

Он вдруг перехватил ее извечный азарт и любопытство, впервые за долгое время поддался ему и спросил:

- А как ты это делаешь?

- Что именно?

- Трансформируешься в кого-то другого?

Ему улыбались в ответ – мол, хочешь посмотреть? Не боишься упасть в обморок, как при родах? Она была права в том, что созерцание быстрого изменения внешности – процесс не для слабонервных. Морфичность клеток, конечностей, внешних черт могли лишь теоретически, но все же превратить Нову для Аида из женщины в мутанта. Но ему хотелось на это взглянуть.

- Это неприятно?

- Что может быть приятного в том, когда у тебя начинают расти из ноздрей и ушей волосы? Откадывается на внутренних органах жир, закупориваются холестерином вены или разъезжаются тазовые кости? И все это за минуту, например?

Изменит ли это его отношение к ней, отобьет ли желание на сближение? В нем проснулась вдруг молодая упертость, желание и что-то непонятное, но важное для себя прояснить.

- Покажи мне.

Она совсем по-человечески закатила глаза – мол, всем вам шоу подавай, но он видел, что Нове интересно. И это представление, и реакция Санары на него.

- Кого ты хочешь перед собой увидеть? Старуху, порнозвезду, одного из твоих постовых, манолку?

«Только не манолку!» – выстрелило безо всякой логики. Не хватало ему опять морщиться при виде угольных сосков.

– Хотя... – Если устраиваешь себе тест, устраивай его по полной. – Давай манолку.

Удивленная пауза.

– Сам попросил...

И она – та, которая сидела напротив него и выглядела русоволосой сероглазой девчонкой неопределенного возраста, – вдруг начала без предупреждения меняться. Смазались черты лица, принялись втягиваться обратно в череп волосы – укорачивались, свивались жгутами в кольца, меняли цвет. Расползся нос, дрогнула ширина глаз, радужка почти мгновенно из серой поменялась на черную. Одновременных изменений было так много, что Аид не успевал их отслеживать. Куда-то пропала одежда, разошлись вширь плечи, стали безвольными и покатыми, вывалилась наружу та самая тяжелая, но отвисшая грудь, выпятилась вперед ненавистная нижняя губа. Не прошло и минуты, а на стуле перед Санарой уже не Нова, а одна из тех смуглых женщин, которых он видел в деревне. Лупоглазая, неглупая, но странная, держащая ладони там, где красовался покрытый черными волосами лобок. Ноги голые, ступни пыльные.

Удивление, грозившее превратить его в немного истукана, пришлось сдвинуть в сторону. Ради чистоты эксперимента.

И он сделал то, что хотел с самого начала. Прислушался к себе чутко, внимательно, спросил себя, мол, ну, хочешь ее такую? Провокационный вопрос, не имеющий отношения к делу, но почему-то важный, и вдруг с удивлением осознал невероятное – хочет. Не то, что видит перед глазами, потому что знает – «это» не настоящее. Но хочет ту, которая может стать кем угодно. Нет, не из-за ее удивительных возможностей, а потому что суть, ядро, что-то глубокое и женское в ней осталось тем же самым. Стань она дряхлой бабкой или даже дедом, он все равно будет хотеть – не деда, а Нову, или как бы там она себя не называла. Нить между ними осталась и вела она отнюдь не к физической оболочке, а к...

К чему именно вела незримая нить, Санара побоялся даже предположить. К душе? Лишь понимал – он бы трахнул сейчас и эту «манолку», потому что ощущалась она правильной, потому что красивая внешняя форма – бонус, – оказывается, не так важна. Поразительное открытие, незаметно ударившее под

дых и выбившее из него воздух.

- Я понял, - пояснил негромко, - все увидел. Можно... назад.

Поднялся со стула. И развернулся к стене, чтобы не смотреть.

Нет, не потому, что боялся испытать отвращение при виде обратной метаморфозы, но потому, что знал, посмотри он в ее глаза сейчас - выдаст себя настоящего. Не как Судью, но как мужчину.

Потому слушал, как шуршит за спиной одежда, дышал медленно и осторожно и чувствовал, как растекается внутри удовлетворение, смешанное с надеждой на что-то неизведанное, настоящее. Что-то близкое, уже осязаемое, правильное и долгожданное - руку протяни...

- Готово!

Санара развернулся.

На стуле вновь русоволосая девчонка, состоящая, как ему казалось, из бликов солнца - даже его тьма смотрела на них с интересом, делаясь мягче. Вот только одежда... Вместо бежевой плотной рубашки - белая и прозрачная, расстегнутая от горла на три пуговицы; вместо прежних, походивших на военные штаны, светлые бриджи. На ступнях открытые босоножки.

- Что? - Нова вздернула бровь. - Жарко же.

Он знал, что контроль температуры собственного тела для нее такая же плевая задача, как отключение чужих центров обоняния.

- Не нравится? Сменить?

- Нравится.

Аид улыбнулся. Кое-как унял внутри горячую волну, опалившую ему минуту назад пах и логику. И неожиданно понял, что впервые в жизни произнес в адрес дамы что-то подходящее на комплимент.

Глава 3

Одним официальным приемом больше, одним меньше. Санара, ввиду профессиональной необходимости, бывал на стольких мероприятиях, что не сосчитать. Никогда, однако, на них не расслаблялся, работал. А в этот раз за него работал кто-то другой. Непривычно, по-своему удивительно, иметь возможность лавировать среди гостей, никому не смотреть в глаза, не «прощупывать», пробовать закуски. И он пробовал. Взял канапе с одного подноса, прожевал, почему-то ожидая вкусового подвоха, подхватил маленькую корзинку с другого, надкусил, почти сразу незаметно выплюнул в тарелку – крем внутри тарталетки отдавал перченой рыбой. Прохладительный напиток в стакане – смесь арбуза и лайма – жажду утолял хорошо.

Зал набит незнакомыми ему людьми; на правом балконе квартет музыкантов, на левом танцовщицы. По периметру курились в высоких горшках ароматические благовония, но, слава Создателю, нюх Аида, после вмешательства Новы, претерпел чудесные изменения и на тяжелые запахи более не реагировал. Облегчение и благодарность за это он испытывал до сих пор.

Ружан – довольного вида толстяк в сложном белом тюрбане, украшенным громадной брошью, и белоснежном халате в пол – бросал на гостей снисходительно-доброжелательные взгляды, иногда склонял голову набок в честь приветствия кого-то особо важного. Судью он картинно не замечал – знал, что у того не может быть к правителю претензий. Ввиду отсутствия официальных проверочных бумаг.

Пока.

Аид, глядя на показное равнодушие смуглого усатого Аттлиба, улыбался настолько нехорошо и криво, что гости растекались перед Судьей в стороны, как клопы перед стопой гиганта.

Ничего. Для всего придет время.

И хорошо, что сегодня не нужно работать, потому что мысли его совсем не там, где им требовалось быть, не там и не о том. Если Нова вычислит причастных быстро, возможно, уже сегодня он закроет дело о шахте, подпишет заключение и поставит на сгиб листа тяжелую печать. А завтра, быть может, завтра – море, палуба деки, обратный маршрут. С каким наслаждением Санара вдохнул бы сейчас запах волн...

Музыка плыла мимо его слуха, как и чужие разговоры. Не интересовали ни полуобнаженные дамы, выписывающие восьмерки руками на балконе, ни шепотки, ни сплетни, ни косые взгляды на его тяжелую мантию. Все расфуфырены до предела. На каждом первом – тонна макияжа, будь то мужчина или женщина, на каждом втором столько перстней, что не уместить ни в одну шкатулку.

А он незаметно искал ее.

Знал, что не найдет, но все равно украдкой рассматривал убранство – разрисованные орнаментом стены, лепной потолок, отделанные золотом обода колонн.

«Где ты, Нова? Какая ты?»

Неподвижный воздушный поток, разряженное поле частиц, облако под люстрой? А может, сейчас ты и есть люстра? Гобелен, дым от благовоний, никому не приметный магический глаз, не упускающий деталей? Ему хотелось ее почувствовать – касанием сквозняка к рукаву, дуновением на висок, скольжением по его щеке невидимых пальцев...

Ему просто... ее хотелось. И до мягкой щекотки на уровне инстинктов нравилось ее желание играть, умение это делать, нравилась ее простота и сложность. Незамысловатость летящей в луче пылинки, многогранность кристаллической решетки мироздания. Они соприкасались даже тогда, когда их тела этого не чувствовали, они постоянно находились на волне невидимой радиации – ты здесь? Я здесь.

Он мог бы пребывать в вакууме посреди беснующейся толпы до бесконечности, отделенный от всех прозрачной стенкой пузыря, наполненного чувственными переживаниями о том, что, наверное, скоро случится...

Но подошел вдруг близко-близко неприятный высокий субъект – лысый, с впалыми щеками и крючковатым носом. Бледный, в дорогой одежде. Советник ружана. Чужую злость, вкупе с нервным беспокойством, Санара ощутил еще до того, как лысый открыл рот, полный коричневатых зубов.

– Честь имею, – представился «орел», – Догу Серкан, правая рука достопочтеннейшего ружана Аттлиба, его золотой советник по делам государственной важности.

«Хоть коричневый».

Санара смотрел на лысого с привычным безразличием, лишь сработала ментально интуиция – причастный. Один из тех, с кого чуть позже он будет спрашивать за шахту.

«Заволновался».

– Могу я напомнить вам, достопочтенный Судья, – продолжил Догу вежливо, но холодно, после того как не дождался обратного приветствия, – о том, что вы не имеете права вести дознавательные мероприятия на территории дворца без разрешения Верховной Судейской Комиссии?

Рядом кто-то смеялся, кто-то жевал. Мелькнула рядом с задницей полуобнаженной красотки, стоящей в двух шагах от них, чья-то дерзкая рука – хлопнула окружности через тонкую ткань и исчезла; дама с притворным возмущением обернулась. Уставилась сначала на ничего не подозревающего официанта, после на мантию Санары, побледнела. Залпом допила вино из кубка и тут же затерялась в толпе – скрылась от греха подальше.

– Вы заметили, что я провожу дознавательные мероприятия? – отозвался Аид мягко.

– Не проводите, – глаза Серкана коричневые, блеклые, но очень злые, – однако вы пришли сюда не один.

– Правда?

Он выдал себя этой фразой. Только что почти напрямую заявил о том, что в его кармане хранится амулет, способный оповещать хозяина об опасности и который недавно ясно дал понять Догу – что-то пошло не так. Совсем не так. Сильно. А ведь обязан был хранить, обеспечивать защитой, отводить ненужным людям глаза. Не отвел, потому у той, с кем Аид явился на бал, не было глаз в привычном понимании слова.

– С кем же?

Тишина.

– Не кажется ли вам, что вы ведете незаконную игру, господин Судья?

– Осторожнее со словами.

Аид улыбался, как улыбается противник, многократно превосходящий соперника силой.

– Нечестные методы...

– О нечестных методах мы с вами поговорим позднее. А пока, если я правильно понял, вы бездоказательно пытаетесь обвинить Верховного Судью Аддара в нарушении закона? Это так?

– Это... не так.

Серкан жалел, что подошел близко. Теперь Санара знал, для чего именно тот приблизился – чтобы с помощью очередной магической игрушки случайно «выбить» из Судьи правду. Но игрушка не сработала, спеклась рядом с Аидом, раскрошилась о броневой стену. И Догу попал впросак.

– Всего лишь хотел засвидетельствовать вам свое почтение. Надеюсь, наше скромное мероприятие соответствует вашему представлению о гостеприимстве.

Провожал советника, уходящего прочь, взгляд холодных зелено-голубых глаз.

(Lawless feat. Britt Warner – Diminuendo)

«Идем. Туда, где никого нет...»

Он ждал этот шепоток в собственной голове. Оказывается, ждал сильнее, чем думал сам. И сразу поставил пустой стакан из-под напитка на ближайший поднос, извинился, задев чье-то плечо, принялся прокладывать путь из общей залы.

Шагал, пока не остался позади гомон – все глуше и глуше, – пока не исчез за поворотом свет многочисленных люстр, пока не оказался в совершенно пустынной и широкой портретной галерее. С одной стороны полотна – темная мазня в тяжелых рамах, с другой – занавешенные шторы, высокие окна и подушки-лежаки вдоль стен.

– Здесь?

Спросил в темноту, чувствуя себя глупо – столь редкое для него чувство. Но как себя ощущать, если говоришь с пустотой? Пустота, однако, вскоре принялась рябить, мерцать серебристым светом. И через секунд десять – Санара жадно глотал каждое мгновение, всматриваясь в процесс обратного превращения, – рядом стояла Нова. Привычная, теплая и насмешливая. Только глаза ее оставались странными, «расплавленными» по центру.

– Дай руку, – попросила тихо.

Аид протянул.

Ладонь в ладонь, теплые женские пальцы – он всякий раз воспринимал касания чем-то для себя особенным. Слишком они оставались редки.

– Читай напрямую.

И она принялась заливать в него, как через невидимый шнур, данные из базы в базу. Прямоком из себя в его мозг. Так на его памяти мог только Дрейк... Огромный пласт информации: кто, когда, зачем... Выяснилось, что

координаторов трое, что под ними еще двенадцать человек, а на самом верху – кто бы сомневался – стоял Догу Серкан. Санара воочию видел теперь то, что лежало у советника в кармане, и закаменел – игрушка редкая и мощная, та, с помощью которой он и чистил мозги деревенским.

– Здесь все. Теперь ты знаешь.

А ружан-то, оказывается, ни при чем. Спесив? Да. Противен? Несомненно. Но совестью чист.

– Спасибо. Я твой...

Он хотел сказать «должник», повторить то, что она знала и без него, но Нова вдруг вздрогнула. Не сильно, но он заметил. Что-то не так? Она торопилась назад? Может, дело в ином? А он как раз хотел спросить ее, не проведет ли она на Маноласе ночь – нет, не в его палатке, он бы не стал завлекать ее дешевыми фразами, но рядом с ним у костровища неподалеку от шатра, где в день прибытия для него устроили целый приветственный спектакль. Там остались дрова и огниво, а ночь такая звездная, жаль, не с кем раньше было посидеть...

Но в этот момент его спутница прикусила губу и дернулась от боли. А после... начала оседать – он едва успел подхватить ее на руки.

– Нова... Нова, в чем дело?

– Положи... – прозвучало хрипло.

Аид отыскал глазами подушки, подхватил слабеющее тело, быстро перенес. Аккуратно уложил на мягкое.

– Что с тобой?

Ее конечности спазмировали под его руками, выгибался с периодичностью раз в несколько секунд дугой позвоночник; простреливала через все органы боль – он, даже не подключаясь, ее чувствовал.

– Все... нормально...

Голос хриплый, лицо бледное.

- Нормально?

Санара напрягся. Терпеть не мог собственное бессилие.

- Да, все... в порядке. Это встают обратно... человеческие клетки.

«Встают обратно?» После выпадения из воздуха? Он примерно понял, допустил, хоть и мог представить детально, как это происходит.

- Такое случается каждый раз?

- Да...

Она умудрялась улыбаться сквозь персональный ад.

- Такова цена.

Знал бы он... Санара мысленно чертыхнулся.

- Долго это длится?

- Минут пять... Не оставляй.

- Я не оставлю.

Она страдала. В галерее ни луча света (снаружи уже сумерки, луна еще не взошла), но он все видел. Мутную пелену в ее глазах, застывший от напряжения рот, чувствовал, как вздрагивают, будто простреленные, руки, колени. Лежал с ней рядом и не знал, что сделать.

- Как помочь?

А ее взгляд через грусть и агонию теплый, признательный.

«Ты не ушел, уже хорошо».

Аид не ушел бы, даже если бы его гнали. Оцепил бы этот коридор невидимым щитом, никого к ней не подпустил бы – к слабой, уязвимой. Черт, вот тебе и цена. Жаль, он не знал.

Принялся, как заболевшему ребенку, гладить ей лицо – никогда раньше этого делал, но тут склонился, убрал с прохладного лба волосы, провел пальцами по щеке. Прислушался к себе и пожелал то, чего никогда не желал ранее – снять чужую боль. Насколько это возможно. Слить на себя, забрать, облегчить. И тут же включился в его теле спавший до того механизм, отозвался на желание хозяина, обеспечил проницаемость...

И Санара принял удар. Ярко, мощно, до неприятного ясно, как встают на место «клетки». Как принимают прежнюю форму мышечные волокна, как обеспечивают нормальную структуру кости, как соединяются в единую систему импульсов нервные окончания. Больно, до тошноты неприятно, мерзко. Ад. Он такого никогда не чувствовал.

– Я тут...

Прижимал ее к себе потерянную, совсем теперь обычную, хотел сказать «сейчас будет легче», но промолчал. Какой процент он на себя стянул? Хорошо, если половину.

Спазмы длились еще почти минуту. А после хриплый шепот:

– Легче.

Он и сам знал, что легче. Его уже не выворачивало наизнанку, как совсем недавно, не простреливало больше колени, развязался в животе узел. Медленно спадало напряжение.

Аид приподнялся, перекатился и навис сверху. Хотел начать ругаться, сообщить о том, что, если бы знал заранее, не позволил бы... Но вдруг забыл про мысли, осознал иное – он лежит сверху на женщине. Этой женщине уже не больно, и она очень странно на него смотрит – мягко, податливо. Робко и смело, зовуще,

чуть-чуть смущаясь...

– Поцелуй меня.

У него мгновенно выбило пробки предохранителя. Если он и приблизил свое лицо к ней, то совсем чуть-чуть, наклонился и застыл, сдержал себя. Нельзя. Он – загадка для самого себя, ящик с порохом, бездонный колодец с тьмой. Что будет, если он потеряет контроль, во что это выльется? А с ней он потеряет...

Но ему помогли принять решение чужие руки. Легки на обе щеки теплые женские ладони, притянули к себе, заставили коснуться губами губ. Смешалось дыхание, ауры, смешались мысли в голове, слиплись лужей из растекшегося сахара.

«Ты не знаешь, что творишь...» – должен был сказать он. Должен был все это прервать, не позволить развиться, сделать волевой шаг назад. Но им наслаждались. Санара никогда не чувствовал, чтобы им наслаждались столь открыто, явно, глубоко и до кончиков пальцев. Его запахом, его щетиной, весом, его ртом.

Она хотела его, желала, как родник, она изнемогала без него – Аид впервые в жизни ощущал нечто подобное, и молниеносно погорел щиток. Плевать на тьму внутри и на то, какие формулы она сплетет, плевать на само ее существование. Вечно сдерживаться – больше не для него. И тогда рванулись из стены прикованные руки узника, вылетели из камня ржавые болты, лопнули цепи...

Он вжал ее в матрас. Он навалился так, как хотел всегда, влился в Нову собой, как в сосуд, стал главным. Теперь он Судья во вторую очередь, мужчина в первую, и он – не пройдет и минуты – сделает это. Освободит себя из заперти, а ее из штанов, он отыщет уже настоящий вход – жаркий и влажный – и вложит себя туда до упора. Большого и горячего. Ему плевать, что чужой дворец и открытая галерея, плевать на отсутствие стен и пыльный бархат подушек – под его ладонями горячие запястья, под ним сплошное желание, чтобы греза воплотилась в реальность.

Он несся с горы, как таран. И не верил, что что-то способно в эту секунду его остановить...

Но прозвучал вдруг сзади знакомый голос. Ехидный и насмешливый. Пролил ему на разгоряченную спину ушат ледяной воды.

- Что я ви-и-ижу... Верховный Судья предается любовным утехам в общем зале. А как же мораль? Законы нравственности?

Под губами Аида губы Новы - их разделяют миллиметры. И все еще трещит воздух от такой страсти, погубить которую не в состоянии ни Серкан, ни все насмешливые советники разом. Огонь из ее глаз никуда не ушел, из его тоже.

Но, может, хорошо, что его остановил хоть кто-то?

Он почти сделал это. В прямом и переносном смысле. Не зная ни о том, какие будут последствия, ни о том, как их исправлять, если бы он вдруг своим сложным и неуправляемым механизмом навредил ей.

И все же, наплевав на советника, Санара коснулся ее губ еще раз. Тягуче, неторопливо, мучительно ласково. Он не желал расставаться, но должен был, потому что тьма внутри него - та самая, вечно голодная и лютая, - уже поднялась и смотрела в другую сторону, туда, где стоял Серкан. Тьма желала мести - очень недоброй и очень жестокой. Аид знал, что как только поднимется, предстанет перед лысым и заглянет тому в глаза, правосудие случится и выглядеть оно, ввиду едва управляемой злости, будет очень неприятно.

- Желаете, чтобы я не разглашал увиденный инцидент?

Догу полагал, что выиграл этот раунд. Что обзавелся таким необходимым ему компроматом, рычагом давления на Верховного, что теперь они поговорят на других тонах. Не подозревал о том, что на его персональной гильотине уже горит зеленый свет.

- Мне придется отвлечься, - произнес Аид тихо.

- Конечно, - шепнули ее губы беззвучно.

- Пообещай мне, что сейчас закроешь глаза. Не будешь на это смотреть.

И, вставая, знал – будет. Будет, потому что она единственная, способная его жестокой стороной восхищаться. Непередаваемое чувство.

Распрявился перед советником. И с рук будто свалились еще одни невидимые кандалы.

* * *

Нова.

(I Am Waiting for You Last Summer – Into The Wild)

– Что ты с ним сделал?

– Я стер его.

– Стер?

– Да. Лишил права на перерождение на Аддаре.

Дворец остался далеко. Вокруг звездная ночь, белесый абрис шатра с колышущейся занавеской входа; отпущенные постовые разошлись по домам. Луна, костер на лысой опушке посреди вересковых трав, два специально подкаченных к кругу из камней бревна – кто-то волок их от самого леса до побережья. И небо – такое черное и высокое, что ты сам себе кажешься песчинкой.

В галерее Аид говорил «не смотри», и я бы не смотрела, если бы была человеком. Потому что тогда бы вид его вспыхнувших белым глаз, сжатый в полосу рот и выражение лица, сделавшееся каменным, преследовали бы меня по ночам.

Я уже давно не Леа, Нова, но все равно запомнила, как некогда живой Догу Серкан – лысый мужчина преклонных лет – стал вдруг неживым, блеклым и

пластиковым, как осыпалось мятой крошкой под одеждой его сухощавое тело. Фильм ужасов, если без предупреждения.

- А как насчет других миров?

- Другие миры сами решат, нужен ли им такой... гость, - пространный ответ человека, понимающего то, о чем говорит.

Да, это было жестко. Бескомпромиссно, но в то же время красиво, точно и быстро. Когда про Санару говорили «беспощаден» - не обманывали и даже не преувеличивали. Этим вечером я впервые созерцала «машину для кары» в действии - ее сложные, почти непостижимые механизмы, перекраивающие чужую судьбу, как заточенные лезвия портновских ножниц.

- Его тело...

- Его тело более не принадлежало душе и потому мгновенно истлело.

- Ты часто?..

- Нечасто.

Судья предвосхищал мои вопросы заранее. Он в очередной раз впечатлил меня этим вечером, но испытывал сейчас прогорклое чувство, потому что не был уверен, что впечатление это приятное.

- Я напугал тебя?

Он меня не напугал. Когда взрывается вулкан, это красиво и страшно, это зрелище на всю жизнь - оно тянет и отталкивает, оно помнится.

- Меня очень сложно... такую... напугать. Я умею все принимать.

Он хотел мне верить, но ему было сложно. Теперь, после нашего второго поцелуя, после того, как Санара, пусть всего на несколько секунд, позволил себе «смешаться» со мной, я чувствовала его почти так же хорошо, как себя. Тонко, точно, трепетно. Ощущала его раздражение на самого себя за то, что дал волю

чувствам, прошедший по его сознанию тенью испуг – а что, если бы навредил? Он жил с собственной тьмой из года в год, пытался с ней ладить, но не поладил, силился постичь, но так и не постиг. И никогда ее в себе не принимал, скорее, отторгал, жил как пациент с антагонистичным имплантом. Боялся того, что если спустит себя с поводка, если отпустит контроль, то эта самая тьма волеется в меня вместе с другими его чувствами, примется рыскать изнутри в поисках греха, искать, за что наказать. Возможно, казнить.

«Не найдет».

– Она не найдет...

Вдруг повторила я вслух.

Костерок уже горел под звездами, как живой ночник – был рад тонким веткам и поленьям потолще, хорошо, что кто-то предусмотрительно оставил их здесь.

– Кто?

– Твоя тьма. За что меня покарать, если войдет в меня... вместе с тобой.

Губы Санары поджались. Он впервые в жизни не понимал, как быть – желал приблизиться к женщине, попросить о том, чего так долго был лишен, знал, что ему шагнут навстречу, но не двигался с места. Должен был сначала разобраться, обезопасить ту, из-за которой проснулось сердце. Теплую заботу Аида по отношению к себе я чувствовала тоже. Собственную для него важность, хрупкость, нужность. И тоже хотелось его – мужчину, давно не знавшего никакой к себе нежности, – приласкать. Но, если подтолкну к себе сейчас, обреку на сильное беспокойство, усилю его разлад с самим собой. Нельзя. Санаре нужно время, сейчас оно особенно сильно ему нужно, как глоток воздуха, и пусть моя поддержка выразится в протянутой руке помощи «бездействия», а не в беспочвенных увещеваниях о том, что тьма мне не навредит. Она темна, глубока, в ней будет сложно даже мне.

Однако мы все равно со всем разберемся.

– Ты не останешься?

Он чувствовал ход моих мыслей, как подводное течение.

- Нет, скоро пойду. Люблю спать дома.

Шутка с долей правды.

Ветерок сожаления в его глазах, но Аид знал, что это начало, а не конец. Несмотря на это, ему все равно хотелось наших касаний, моей головы на своей подушке. Однако одной «головой» ведь дело не ограничится... Нам обоим пришлось принять необходимость временной паузы.

Я достала из кармана старый амулет - уже «обесточенный», тот самый, недавно лежащий в парадной одежде советника. Три желтых камня по центру - накопители энергии и усилители желаний. Россыпь черных кристаллов - блокировка чужой воли, сиреневые - морок. Интересная вещица, даже странно, что Догу смог разобраться, как она работает.

- Как он действовал?

Судья, занимавшийся костром, смотрел на медальон в моих руках заинтересованно.

Я задумалась, подыскивая простую формулировку, способную объяснить сложную схему.

- Подменял чужие желания целями того, кто закладывал информацию. Подавлял волю, помогал забыть собственные намерения, верить в ложь.

- Мастерили Элео?

- Скорее, странная смесь Элео и местных шаманов.

- Он не опасен?

- Теперь нет. Я отключила его так же, как и другие.

- Другие?

Это слово повисло между нами, как мост, одним концом ведущий в то прошлое, о котором Аид не знал, но хотел узнать.

Может, и правда время для первого серьезного разговора? Больше не враги; ночь темна, и нам обоим не хотелось расставаться. Манолас – чужой и загадочный остров – впервые стал уютным, прислушивающимся к разговору двух странников. Похожий на темнокожего сонного папуаса, он ждал убаюкивающих на ночь заморских сказок. И я начала рассказ.

- Переродившись на Аддаре, я не сразу разобралась, почему я здесь, для чего. Сначала куролесила, баловалась... ну ты знаешь...

Санара улыбался. Он делал это одними глазами, вспоминая корону, допрос, мое показательное выступление «полет в бездну». Ждал продолжения, не перебивал.

- А наигравшись, я попросила свою внутреннюю Суть показать мне смысл моего возвращения сюда. Увидела сон. А для меня ведь любой сон – не просто сон. Думаю, ты понимаешь.

- И что ты увидела?

«Твой замок. Тебя...» – этот момент я упустила.

- Одну из книг Элео, которой не оказалось в библиотеке. Ее украли. И дом в Энфоре. Номер квартиры... Поняла, что должна наведаться туда, понять, в чем заключался смысл послания.

- Наведалась?

- Да.

«Кого там встретила?»

Он понимал, что дальше должны будут пойти имена, детали, скрываемые от него ранее.

Я замолчала. После попросила:

- Пообещай мне...

- Я не буду трогать никого из тех, кого ты сейчас упомянешь.

Способность Судьи видеть наперед восхищала и угнетала, как висящий на стене огромный молот, – прекрасная вещь, пока не представляешь, что она может сделать, вмявшись в твои собственные внутренности.

- Хорошо.

И я рассказала. Про то, что однажды Иннарий Орм, чей отец ослеп во дворце, организовал бюро, о том, что это бюро занимается поиском старинных артефактов, с помощью которых власть имущие насилуют сознание ни о чем не подозревающих людей. Пришлось пояснить, что нет, я не ворую, но часто обесточиваю настоящие вещи, подсовываю владельцам пустышки – оригиналы же собирает для него, для Судьи, бывший командующий королевской гвардией. По неясной причине не стала упоминать лишь об Аэле – не время, не место. Да и запутано пока все слишком.

Санара хмурился, молчал. В том, что в его голове уже закрутился сложный механизм, впоследствии расфасующий нарушителей закона, как фарш по пакетам, я не сомневалась. Однажды он придет и попросит доказательства и имена. Прогуляется по нужным адресам. Но когда-то Иннара терзало другое – связь Санары с Королями.

- Скажи... – я замялась. Аид смотрел на меня спокойно, и впервые его глаза увиделись мне такими, какими они были от рождения – зелеными с голубым, ясными, красивыми. – А ты на стороне Триалы?

- В каком смысле?

- В прямом.

- Суд никогда не принимает ничью сторону. Он всегда держит нейтралитет.

- Это законодательно. А если по-человечески?

- Если по-человечески, я на своей личной стороне.

- И они... не просят тебя о личных поручениях, выгодных только им?

- Нет.

Ответ прозвучал жестко. Но мне стало легче, потому что прояснилось.

- Почему ты об этом спрашиваешь, Нова? Хочешь устроить переворот?

- Не совсем, - я помолчала, - просто хочу понять, что происходит на Аддаре. Многие старинные вещи, обладающие большой силой, сейчас попадают в грязные руки. Подкупленные умы пытаются расшифровать старинные послания из книг, чтобы начать использовать в сложной смеси порошки...

- Какие порошки?

- Островные кристаллы. И одним из тех, кто ведет незаконные эксперименты в угоду Королям, является дворцовый чародей.

На меня смотрели тяжело и неподвижно. Аид не стал спрашивать, откуда мне известно о порошках и формулах, догадался, что из книг, которые я, будучи симбионтом, имею возможность прочитать. Не стал отвлекаться на стороннее, спросил по делу.

- У тебя есть доказательства?

- К нему непросто подобраться. Но я их добуду. Как и подтверждение того, что большая часть бюджета, призванного помогать народу в его нуждах, утекает не по назначению - к тому же провидцу.

- Это веское обвинение. Надеюсь, ты понимаешь.

– Более чем. – И спросила то, что волновало меня уже давно. – Скажи, когда я их найду, эти доказательства, ты сможешь предъявить обвинение Королям?

Теперь долго молчал Санара. Тема, которую мы подняли, называлась надвигающимся мятежом и антиправительственным заговором, он это понимал лучше меня. Если мне – ягоды и танцы, ему – буквы закона, кандалы, пот, грязь и смерть.

– Теоретически.

– Почему теоретически?

– Чтобы сделать это практически, любой Судья должен пройти проверку на вменяемость перед Зеркалом Души.

– И?

Молчание Аида вплеталось в треск поленьев; жидким золотом переливались угли.

– Я ее не пройду.

– Почему?

Он не стал отвечать, но мне все стало ясно – та самая тьма, его внутренний мрак. Это самое Зеркало что-то выявит. Например, то, что Аид не способен контролировать его полностью, что иногда он поглощает, движет его разумом, желаниями и руками. О какой вменяемости в этом случае может идти речь?

В который раз за вечер поджались губы – мы подняли сложную тему, болезненную.

– Мы с ней разберемся, – прошептала я тихо.

С его тьмой. С ее принятием, способами управления. Каким-то непостижимым образом я знала об этом наверняка, но сложно давать голословные обещания тому, кто много лет жил в режиме узника и делил рычаги управления

собственными эмоциями с внутренним монстром.

– Я, пожалуй, пойду.

За напускным равнодушием взгляда сквозило тепло и еще печаль. Печали больше. Наверное, это хорошо, когда в мире не все спокойно, понятно и правильно. Людям нужно бороться за справедливость, исправлять некрасивое, знать, что они могут кому-то помочь. И что их помощь нужна.

– Будешь заниматься виновными? – спросила для того, чтобы о чем-то спросить.

– Да. Подниму всех, до утра закончу. А с рассветом отплывем.

– Хорошо.

Он давно хотел домой. Значит, чем раньше, тем лучше.

– До встречи на Софосе, Нова.

– До встречи, Аид.

Очень хотелось подойти, обнять его, просто уткнуться носом в щеку и постоять так бесконечное количество минут. Вдыхать, чувствовать запах, сливаться снова. Но наша вагонетка за секунду брала такой реактивный разгон, что не остановить. Оранжевые всполохи в его глазах и на рубашке. Я опять не спросила, снимается ли мантия...

Значит, в другой раз.

В вересковую пустошь я шагала, думая о том, что однажды, когда-нибудь я покажу Санаре мир таким, каким вижу его сама – свободным, широким, бескрайним, очень и очень счастливым. И он увидит.

А пока тягучий взгляд в спину и знание о том, что скоро, возможно через четыре дня, мы встретимся вновь.

Глава 4

На следующие двое суток я так глубоко погрузилась в процесс создания простых формул, что забывала вовремя есть и спать. Питалась тем, что осталось с последнего похода в магазин в холодильнике – мюслями с молоком, подсохшим хлебом, печеньем и кофе. Все лучше видела свечение порошков и все чаще приходила к мысли, что какого-то важного компонента недостает. Вроде бы на столе все цвета кристаллов, руны плетутся, склеиваются, начинают светиться, но сила их слаба, нет настоящей мощи – той самой, которая исходила от древних вещей.

Все ли у меня компоненты? Точно все из тех, которые были в химической лаборатории. Но что, если лаборанты, как и я, о чем-то не знали? О чем-то секретном?

Может, просто неверный порядок соединения: любовь – вдохновение – творение – делящийся процесс – время – жизнь... Переплетение из сотни оттенков и цветов. Попробовать снова по-другому?

Телевизор я больше не включала, знала, что Аид сейчас на декке, а другие новости меня не интересовали. Лежа в постели ночью, я крутила перед глазами символику Элео из книги, разбирала ее на части, анализировала, мысленно соединяла иначе.

Ощущение, что нечто важное отсутствует, не уходило.

Уснула я с мыслью о том, а не завалялся ли недостающий ингредиент в кладовой у чародея?

А проснулась лишь к полудню нового дня – третьего дня моих экспериментов – от звонка танцующего на тумбе сотового.

«Ты сегодня еще не обедала? Мы с Юнией приготовили новый пирог с грушей и миндалем. Но это на десерт. А на обед пасту с беконом, сыром и сливочным соусом, вкуснейший салат и смешали новый сорт чая. Не хочешь к нам присоединиться?»

Все это доброжелательная Майя выдала практически одним предложением.

И я вдруг поняла, что очень хочу – просто невыносимо хочу – присоединиться.

Каким бы увлекательным ни было дело, цель или идея, нельзя посвящать ей все свободное время, потому что иначе за кадром остается целая жизнь с ее восхитительными полутонами, событиями, разговорами и очаровательными семейными обедами, как этот, который накрывали сейчас в доме Иннара.

Майя светла и весела, как обычно, но устала с утра крутиться на кухне, и потому к столу и обратно порхала Юния.

Мы устроились в удобных креслах. У жены Иннара остатки муки на руках, мягкая полуулыбка на лице, в глазах довольство всем, что есть в жизни. Есть сейчас, довелось испытать в прошлом, благодарность за то, что случится в будущем – редкие качества для человека. Ни страха, ни лишнего беспокойства, умение любить собственное окружение.

По включенному телевизору шло шоу из разряда «серьезных», где политики с пеной у рта спорили о необходимости тех или иных изменений или же ратовали за их отсутствие. Именно последним занимался консерватор – невысокий, начавший сесть мужчина по имени Атамус Форкус, глава районного управления. На вид чуть за пятьдесят; немодный, но чистый и аккуратный пиджак, сорочка, брюки. И красное от раздражения лицо. Все оттого, что Атамус не мог – ни логикой, ни ее отсутствием – воспринять новое течение в мужской моде к щегольским усам, пестрым рубашам и любви к напوماживанию гелем волос.

– Это же женский продукт – гель! – возмущался Форкус с экрана. – Давайте тогда сменим еще штаны на юбки, начнем пользоваться косметикой, завивать кудри. И вскоре нас уже будет не отличить друг от друга!

– Смешной, – улыбнулась Майя. – Весь такой всегда правильный, строгий, верный принципам. Гордится своей принадлежностью к старинному роду и тем, что ни отец его, ни дед, своей мужской стороне не изменяли. Аж кричит, если кто из мужчин прическу муссом уложил. Ну ведь есть же волосы непокорные...

Она умела принимать мир в его стабильности и в его изменениях.

– А обедать мы будем вдвоем? – удивилась я, глядя на ограниченный набор посуды на столе.

– Забыла сказать, Иннар повез отца в очередную клинику. Хочет показать какому-то именитому доктору, все надеется на чудо.

Сама Майя в чудо не верила. Не потому, что не желала свекру выздоровления и радости зрячей жизни, но чувствовала, что если болезнь от ворожбы, то и лечить ворожбой. Киона бы к дворцовому провидцу, с него бы спросить, а что толку по медицинским кабинетам...

– Они вернутся через час или два, а мы столько наварили с утра, что хоть всех соседей зови.

Проворная Юния уже устала стол таким количеством изысканных закусок, что ружан Аттлиб, чей бал я недавно созерцала на Маноласе, позеленел бы от зависти. Да и вкус местной кухни был, судя по одному только аромату блюд, куда приятнее.

Я не стала спрашивать, почему не пришел Трент, Кара, ее брат или Аэла – вероятно, у всех свои дела.

Форкус тем временем напал на ведущего за фразу о том, что отсутствие движения вперед может явиться причиной отката к нежеланным временам и обычаям.

Никогда не любила подобные шоу. В чем смысл споров? Просто один человек, не принимающий мышления оппонентов, кричит на всю страну о том, что он прав. И пытается убедить людей в том, в чем они убеждаться совершенно не хотят. Еще и пытается запретить яркий цвет в мужской одежде – охамел. Что будет дальше? Запретит улыбки, взгляды женщин на мужчин, разделит детей по гендерным школам, начнет сажать в тюрьму за соитие не по расписанию?

Я прищурилась, задумалась. Уже отметила, что шоу транслировалось в прямом эфире, и, значит, у меня отличная возможность подшутить над закостенелым

Атамусом на всю страну. Конечно, куда проще было бы просто переключить канал или спровоцировать временный сбой в микросхемах телевизора, но это не так весело.

А весело было бы, если...

Майя, наверное, со мной о чем-то говорила – комментировала политика, ждала ответов от прикрывшей глаза меня. После решила не беспокоить – пусть отдыхает человек перед трапезой.

Я же временно выскользнула сознанием из тела. Отыскала в ментальном поле расположение телевизионной студии, сориентировалась в плане незнакомого помещения, нашла по частоте раздражения, где именно находился Форкус. И сотворила то, что хотела – сменила непримиримому оратору обувь. Незаметно, аккуратно и очень быстро. Делов-то, соткать из одного типа кожи другой, выбрать новый цвет, эффект отлива...

Глаза я в доме Иннара открыла тогда, когда с экрана уже слышались смешки. Удивлялся политик, удивлялся ведущий – мол, в чем дело? Смешки становились громче, аудиторию успокоить не удавалось.

И вдруг камерой повел оператор – сдвинул изображение вниз, и стало видно не только колени Атамуса, как раньше, но и... его прекрасные бордовые ботинки на платформе из лакированной крокодильей кожи. Модные, блестящие, вызывающие настолько, что сам Никкос Ольтивви – модельер года – восхитился бы смелостью фасона. В таких можно стать первым модником и в борделе, и в гей-баре...

– Это... Это... – пытался заорать, растеряв слова, бордовый теперь Атамус (на свою новую обувь он смотрел, как на вражескую подставу), – не мое!

Публика хохотала.

– И этот, – удивлялась Майя, – щеголь... еще хотел отменить цветастые рубашки? Рассказывал нам о консерватизме? Ой, я раньше думала, что серьезные шоу не бывают смешными. Как он сам посмел в таких явиться?

Даже Юния, забыв про салфетки в руках, зависла у телевизора, и на лице ее расплылась широкая улыбка.

- Он что, в этом пришел в студию?

- Представляешь?

- Снимите с меня это! Не верьте! Да что вы... ржете?! Кому вы верите?! - Форкус более не был похож на самого себя - чванливого самоуверенного пингвина, - теперь он смотрелся взъерошенной вороной. Никак не мог справиться с застежкой правого ботинка, а когда справился, тот полетел прямым в камеру. Вот это прямой эфир! Вот это я понимаю - шоу!

Кажется, с Атамуса взыщут за причинение ущерба студийной технике.

За стол мы садились в приподнятом настроении, довольные, что на одного чванливого пижона в телевизоре стало меньше. Навряд ли Атамуса после произошедшего оставят в прежней должности, скорее, понизят до рядового клерка или вовсе попрут с позором. Собственно, туда ему и дорога.

(Gavin Luke - Sentient)

Мои собеседницы общались между собой, мазали на хлеб масло, обсуждали вкусовые компоненты нового салата. Я слушала их вполуха, умудрялась, где нужно улыбаться, кивать, отвечать - замечательно иметь способность присутствовать в разговоре и отсутствовать в нем же. Раздвоение сознания, когда одна часть с удовольствием поддерживает диалог, а вторая с непередаваемым наслаждением созерцает измазанный соусом бок оливки в салате, отблески солнца на хрустальной грани пиалы, хрустящую сырную корочку на мини-бутерброде. Чувствует, с какой любовью этот бутерброд был час назад сотворен, любит вышивкой на скатерти, впитывает в себя вкусную какофонию ароматов горячего обеда. Обожает морс в высоком графине, еще не попробовав его, но уже зная, что он великолепен...

Мало кто понимает, что вещи хранят информацию о том, как на них смотрят, с каким ощущением их касаются, что после эти самые вещи испускают вложенный вами «дух», настроение и мысли. Особенно еда.

Над чем-то смеялась Юния, жестикулировала пухлыми руками Майя; паста на моей тарелке купалась в сливках и беконных поджарках – мне казалось, что я застыла солнечной пылью между прошлым и будущим, плыву в секунде, растянувшейся в бесконечность, и мне просто хорошо.

После был грушевый пирог – и нотка бурбона, миндальной эссенции и корицы сотворили из обычной выпечки мягкий сочный шедевр.

В какой-то момент мне подумалось, что я не здесь, нет, но в другом временном отрезке, в другой жизни, где рядом сидит мама, где смеется, рассказывая о проделках Данки, Гера. Где сама Данка тянет руку за шоколадной конфетой, а папа хмурится притворно и грозно, однако ему никто не верит...

Я купалась бы в этом ощущении долго, но все кончилось, когда хлопнула входная дверь.

В гости пожаловал шумный, взвихренный, как листья на асфальте хулиганом-ветром, Эдим.

И умиротворение кончилось.

(All Good Things – Kingdom)

– Обедаете?

Он плюхнулся рядом со мной, пододвинул к себе ближайшую тарелку, бросил туда сразу два бутерброда, добавил сверху столько колбасы, что вышло «мясное ассорти», уже кидал жадные взгляды на пирог.

Улыбнулась, довольная тем, что появился еще один отличный едок, Майя; почти незаметно зарделась, занервничала Юния. Желала смотреть на жгучего Охра

пристально, но не позволяло воспитание – ей пришлось сделать вид, что собственная тарелка интереснее.

Я наблюдала за происходящим с любопытством.

«Она любит его. Он – кобель, каких свет не видывал. Избитый сюжет бульварного романа».

– Эй, мисс «особенная», давно тебя не видел. Хорошо, что заглянула к нам. – Эдим выражался так, словно этот дом уже, по крайней мере на четверть, принадлежал ему. – Чем занимаешься?

Люблю пространные вопросы. «Чем занимаешься сейчас?» – «Ем». – «По жизни?» На эту глупую фразу у меня никогда не было ответа. Чем я занималась в последние дни? Не объяснять же этому дутому Герону про сложные формулы.

Ответила я просто:

– Балду пинаю. Разве не видно?

Охра фраза порадовала.

– А давай пинать ее вместе?

И тут же Майе:

– Трент сейчас отмоется, отстирается и придет. Грязное попало задание. Скакали по крышам, как козлы. Так что там насчет твоей балды?

Последнее снова мне. Не уважаю людей, которые скачут в одном предложении по собеседникам, как вша по зубьям расчески.

– Видишь ли, балда у меня тоже особенная. Любит, когда ее пинаю только я.

Сдерживала рвущееся на лицо выражение досады Юния, мрачнела все сильнее. Ее не только не замечали, при ней заигрывали с другой. Ей мучительно хотелось

сжать пальцы в кулаки, после бросить салфетку, которой она только что промокнула губы, в тарелку, а еще лучше в Охра. Я ее понимала.

- Надо ж, какая нежная.

Эдим давно забыл, что значат отказы. И все никак не мог сообразить, что ко мне подъезжать бессмысленно, не понимал, что без шансов.

- Может, как-нибудь пообедаем вместе?

Я улыбнулась елейнее некуда.

- Так мы уже.

Встревоженно взглянула на дочь Майя - Юния быстро поднялась из-за стола, сделала вид, что убирает тарелки, понеслась на кухню. Оттуда в свою комнату. Хлопнула дверь.

Я, под видом того, что мне требуется в туалет, поднялась тоже. В уборную не пошла, миновала коридор и вошла в чужую спальню без стука.

(Anne-Sophie Versnaeyen, Gabriel Saban - The Power of Mind)

Она стояла у окна - потерянная и натянутая, как струна. С прикушенной губой и привычной обреченностью в глазах. Давно поняла - она слишком обычная, слишком бесформенная для такого, как Охра. Слишком воспитанная, интеллигентная, никогда не позволяющая себе лишнего. Да, в ее жизни уже был секс, но с приличным парнем из хорошей семьи, со свечами, с ужином, предварявшим романтику. А хотелось другого - бурного, безудержного, чтобы только с ней, только ради нее. Чтобы Эдим вдруг, наконец, изменился, увидел в ней женщину, чтобы треснул внутренней броней, перекроил себя полностью.

Она не верила, что такое случится, но продолжала ждать.

Ждать, что ради тебя изменится другой человек, – худшая из иллюзий.

– Любишь его? – спросила я без предисловий.

И мне было плевать, что я незваный гость, что не вовремя, и что я – последняя, кого хозяйка спальни сейчас желала видеть.

Юния молчала. Ее внутренний день посерел; нырнуло за облака солнце.

– Хочешь, я сделаю так, что он будет бегать за тобой, как пес?

Ей нужно было убедиться самой, что Охр не стоит печали, что он пока пуст изнутри, не созрел. В безответной любви можно потерять месяцы и годы, вот только для чего?

– Я могу объяснить тебе, как быть.

Она, желавшая сейчас сказать мне так много, вновь сдержала себя, лишь резко вскинула руку.

– Не стоит! Я не хочу, простите... Это... личное дело.

Конечно, тюрьма вежливости не менее прочная, чем стальная и настоящая. Кто-то живет в ней, воспитанный «на совесть» до самого конца.

– Думаешь, дело в твоей маленькой груди? – без обиняков продолжила я. – В невзрачном лице? В слишком хороших манерах?

– Прекратите! – в глазах слезы, лицо бледное. Но иногда очень нужен пинок, чтобы треснуло наблевшее, чтобы прорвалось, наконец, наружу. – Не хочу... все это слушать.

– Конечно, не хочешь. А жить до самой смерти, задвинув себя в угол комнаты под названием Жизнь, хочешь? Или, может, пора выйти на центр и станцевать?

Даже сейчас Юния молчала. С трясущимся подбородком, негибкая, уставшая быть непонятой.

– Приходи ко мне, – легко пожала плечами я, – когда захочешь поехать дальше. Когда захочешь, чтобы он пошел за тобой сам, предложил свидание. Когда решишь, наконец, развенчать свои же мифы и перестать тратить месяцы на грусть. Хотя всё разрешено. Тебе виднее.

Ушла я, как и пришла, не прощаясь.

Чтобы миновать Охра, дом покинула через заднюю дверь, лишь бросила Майе невидимый шлейф – «спасибо за обед, он был великолепен!» – жена Иннара уловит мое теплое чувство, не обидится на молчаливый уход.

А пока одна нерешительная девчонка думает о том, изменить свою жизнь к лучшему или нет, меня ждут формулы.

(Delerium – Raindown)

Дом Иннара я, однако, не покинула. Уже спустилась с крыльца и мирно следовала к калитке, когда сработала вдруг интуиция, и страстно захотелось взглянуть на рисунки Киона. Прямо сейчас. Интуиция – вещь полезная, и работает она в обход логики. Если требует что-то сделать, лучше не задавать лишних вопросов, и потому в невидимку я кувыркнулась, не подвергая собственные чувства сомнению.

В чужой комнате, куда я раньше не ступала, пахло старостью. Деревом, заточенными грифелями, трясущимися руками, неуверенной походкой, человеком «не здесь». Кион ничего не различал в этом мире глазами, но в каком-то другом ориентировался весьма неплохо, почти привык.

Аккуратно застеленная постель – старалась Майя; старый стул у стены, на нем выцветшая шаль, принадлежавшая когда-то матери Иннара – затроганная, многократно поднесенная к лицу, к щекам, носу. Старик часто пытался отыскать в переплетении мягких ниток знакомый, унесенный годами запах.

Здесь много рисовали и часто печалились; светлая спальня с налетом бескрайнего одиночества.

Обитатель этого помещения жил собственными видениями и карандашами.

Его рисунки лежали стопкой на тумбе. Я, действуя тихо, разложила их на полу, принялась рассматривать.

В столовой звякала посуда – убирали со стола; кидался громкими фразами Охр, ему отвечала хозяйка; Юния из спальни, судя по всему, не выходила.

Почему-то мне казалось, что я увижу множество портретов. Возможно, странных пейзажей, наброски предметов, знакомые лица в мозаике из штрихов. И я их нашла, да! Себя (или девушку очень похожую на меня), Судью, какого-то угрюмого мужика... Но, помимо этого, я отыскала то, чего увидеть не ожидала – карту мира, например, прорисованную Кионом с особым тщанием.

Зачем? Для чего ему воспроизводить по памяти глобус в развороте?

Были и другие листы, почти целиком зачирканные карандашом с такой яростью, словно бумаге мстили. Но в то же время между этих «чирканий» встречались вдруг цифры...

«Секретные послания».

Будь я человеком, к подобному выводу шла бы долго, но моя Элео-часть моментально уловила суть комбинаций. Не их расшифровку пока еще, но знание о том, что «здесь прячется тайна». Тронный зал, Черное зеркало, коридоры Доура, мужское, перекошенное от ярости лицо, подросшая Аэла в гневе, сзади перепуганные Короли – Кион рисовал все подряд. Я запечатывала увиденное в памяти затвором невидимого фотоаппарата, знала, что именно здесь, в комнате слепого старика, находятся ответы на многие вопросы. В том числе и мои.

Он рисовал то, что уже случилось и случится, он считывал нечто, недоступное обычным людям, некую информацию с полей, потоки данных, переводил их в изображения, часами корпел над каждой картинкой. И потому до сих пор жил. Ощущал нужность происходящего, чувствовал, что пока рисует, продолжает

приносить пользу – сам не знал, кому именно. Семье, обществу, тому, кто решит изменить ход истории его мира?

Я бы могла находиться в этой частной галерее часами, но хлопнула входная дверь, Майя поприветствовала мужа; зашаркали по коридору старческие подошвы. Что-то про «очень вовремя», «обед еще теплый», «сейчас накрою...»

Мне было пора.

Обнаружь меня в чужой спальне, ничего бы не случилось – никто не начал бы ругаться, недоумевать, упрекать, но, по непонятной мне причине, с самим стариком я пока встречаться не желала. Позже. Всему свое время.

Второй раз дом Иннара я покидала, унося в памяти бесценный кладезь информации, который собиралась тщательно проанализировать.

Зачем именно я этого делала – сама не имела понятия. Перерисовывала по памяти карту мира. Попросила у официанта в кафе не только кофе, но еще карандаш и бумагу. Теперь штриховала ее в той же последовательности, как когда-то Кион, пыталась уловить его настроение, чувства. Двигала своей рукой, но будто старческой, копировала чужие движения, курс направления грифеля, максимально сосредоточилась на процессе.

«Зачем рисовать карту, если она такая же, как другие?»

Незачем.

Значит, она была не такой, как другие. Чем-то отличалась, и теперь я страстно желала найти это отличие.

Менялись за столиками открытой веранды посетители; присаживались неподалеку от меня, листали меню, озвучивали пожелания официанту – тот сновал то с полными подносами, то с пустыми. Шевелился край тента и подолы скатертей; качались свисающие из подвешенных горшков листья разросшегося фальпуса; мир снаружи жил отдельной от меня жизнью. В нем варился и разливался по чашкам кофе, съедались с тарелок обеды, велись беседы,

строились планы.

Под моими же руками все четче проявлялись контуры бесчисленных архипелаговых россыпей, незаселенных земель, морей, семнадцати крупных островов...

Семнадцати.

В этот момент я поняла, что нашла то самое отличие, и позвоночник будто током прошило. Семнадцати!

«На Аддаре их шестнадцать. Всегда было с той поры, как я родилась».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.me/ru/veronika-melan/sanara-novaya-runa>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)